

Всеволод
Константинов
Побег

Всеволод Константинов

Побег

Москва

«Воймега»

Творческое объединение «Алконостъ»

2013

УДК 821.161.1-1 Константинов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К65

Дизайн: Сергей Труханов

В. Константинов
К65 Побег. — М.: Воймега, Творческое объединение «Алконость»,
2013. — 64 с.

ISBN 978-5-7640-0140-1

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© В. Константинов, текст, 2013
© С. Труханов, оформление, 2013
© «Воймега», 2013
© «Алконость», 2013

До снега

Я выбегаю сам не свой
Под новоиспечённый снег!

Владимир Авесов

Где я живу, сейчас я расскажу.
Три дома на пригорке, но соседи
разъехались, и я один брожу
от дома к дому. Есть ещё на свете
село — недалеко, взойти на холм,
и вот оно. Там магазин, собаки,
порой оттуда стадо с пастухом
приходит, он идёт в одной рубаше
и в шапке меховой, — поговорим
о том, что лес пустой, грибов не стало,
что заморозок будет, а за ним
посыплет снег, что лета было мало —
всего неделя выдалась, потом
пойдёт он дальше, щёлкая кнутом.

В селе нечасто я, мои прогулки
всё больше по лесам да по лугам.
Вон вдалеке деревьев двух фигурки,
обычно останавливаюсь там.
Они почти без листьев, а не грустно
ни мне, ни им, подумаешь, беда —
зима, морозы, небеса, до хруста
натопленные, жарче, чем всегда.
Не смерть же, верно, если так красиво.
И жизнь ещё не заросла трудом.
Сухие злаки, свежая крапива —
как пусто, просто, ветрено кругом.
Сидеть бы здесь, смотреть за облаками,
когда б не мыши норы под руками.

Отсюда я люблю глядеть на дом.
Мне нравится, что между нами поле.
Всё шло своим привычным чередом,
и вдруг я неожиданно на воле,
на воздухе надежды и беды,
на разрушаемой ветрами башне,
так далеко, что и мои следы
за мною не пошли по мёрзлой пашне.
Без скорлупы же облако плывёт.
И вот мой дом покошенный на бровке —
моя защита, косности оплот,
теперь не больше спичечной коробки, —
скрывается за волнами холмов.
Какой-то дом, не лучший из домов.

Вернулся я — как осенью без дома
скрипеть полами, двери запирать.
На месте всё — внутри второго тома
Сервантеса лежит моя тетрадь.
Палящая тоска Андалусии!
По жарким странам хорошо брести,
чтоб у ворот испанки голосили
и стаи львов встречались на пути...
От холода проснулся ночью я:
луны растущей утлая ладья
над зубчатыми елями дрожала.
Её улыбка колкая светла,
но много нужно внутреннего жара,
чтоб передать хоть горсточку тепла.

Не зверь, не сумасшедший, а поэт.
Не бурый лист, крутящийся в овраге,
а тот, кто рано понял: гаснет свет,
и отхлебнул глоток чистойшей влаги,
и захмелел, и молодость ушла
без важных дел, без слов, ссутуля плечи,
осенней каплей по стеклу стекла,
впитав пыльцу и пыль вагонной речи,
и землю увлажнила — что жалеть!
Вот яблоня в саду, её лишенья:
её стегает ветер, словно плеть,
и мне за этой гонкой не успеть,
но есть слова, что просят выраженья,
лишь выраженья, и не нужно петь.

6

Родник под горкой есть. Не замерзает
всю зиму в нём студёная вода.
Вокруг него в морозный день мерцает
прозрачный замок с башнями из льда.
А он течёт, создав такое чудо,
серьёзен, как обычно, деловит.
Из-под травы, почти из ниоткуда,
струя его пластичная бежит.
Я трогаю её — ладонь немеет.
Но только после наступает боль,
когда отнимешь руку, — так умеет
завладевать и властвовать тобой,
что руку снова тянешь поневоле —
и боль, и избавление от боли.

Я можжевельник из лесу принёс.
Не знаю, приживётся ли, — он рос
в тени, был защищён стволами елей
от ветра, от мороза, от метелей,
от прочих неожиданных вещей —
от солнца чрезмерного лучей.
Хоть солнца-то у нас везде немного,
и лес недалеко его родной,
но тут другое всё: овраг, дорога,
открытый склон и ветер продувной.
Но там ему бы вскоре стало тесно
тянуться сквозь еловый бурелом.
Где лучше — разве это нам известно,
туда, где ждут, поэтому идём.

Сосед приехал, я пошёл к нему.
Перевернули бочки поливные,
чтоб льдом не распорол, потому
что заморозки будут в выходные.
Он говорит, что думает съезжать.
Воруют, говорит, к тому же — годы.
Садить, копать картошку, продавать
устал один. Превратности погоды
сносить уже не в силах. Много лет
его я знаю. Станный мой сосед.
Его здесь все считают бестолковым
и скаредным при этом — может быть.
Он не нормальный, это правда, словом,
с ним можно по душам поговорить.

К тому же мы живём в одном доме.
Точнее, дом когда-то был единым.
Потом его, не знаю почему,
как булку разломали. Может, с сыном
хозяин не поладил, тот ушёл,
забрав полдома вотчинного, или
в двадцатые семейство разорили —
был дом заметен, а топор тяжёл.
Кто б рассказал, на свете не найдёшь.
Остались две обрубленные крыши,
как пара одинаковых калош
татарских, но одна стоит повыше,
соседская, вот мы и дружим с ним,
ведь под одную всё же кровлей спим.

Горит огонь в печи, и наши лица
его пещерным светом залило.
Пучок травы над головой кружится,
расправив тени длинное крыло.
Как изменяется лицо соседа!
Как будто развязался узелок —
разгладилось, и не найти в нём следа
картофельных волнений и тревог.
Мне кажется, огонь его оплавит —
почти прозрачен восковой покров.
И понял я: он правда дом оставит,
своё он отработал, он готов
идти по полю, не ища дороги
и глядя на шагающие ноги.

По звёздам возвращался я в свой дом.
Здесь по прямой шагов, наверно, двести.
Вот малый ковш, по ручке взгляд ведём —
Полярная звезда была на месте.
Налево я, на запад, пошагал,
ведь солнце всходит над соседским домом.
Я, кажется, всё верно рассчитал,
а оказался в месте незнакомом:
могучие деревья, их кора
изрезана как будто бы стихами —
не разобрать, дожждаться бы утра,
но я спешил. Бежали по щеке
большие листья, словно шёпот в храме,
шум моря раздавался вдалеке.

Наутро первый снег непропечённый
улёгся наземь — неприятный сон,
как чёрный чай с водой некипячёной
и белого будильника трезвон
в соседней комнате. Не за тобою?
К кому же это всё обращено?
Пока поймёшь! Пока над головою
не побелеет шапка. Так оно
приходит знание, значит, между делом.
Снег уравнил дуга, поля, леса
в намеченном порядке чёрно-белом,
но сохранили цвет свой небеса,
преобладая, как душа над телом
и как над письменами голоса.

Осенний побег

* * *

Построенные наспех бастионы
работы грубой: мяли известняк,
как простыню, сближаясь, две плиты
материковых — Азия, Европа.
Остались скалы в складках дуговых
окаменевшим криком. Между рёбер
пластов, прижатых тяжестью своей,
родник сочится — чистая вода,
прошедшая сквозь каменные норы,
замшелые пещеры малахитов,
озёра, где живут слепые крабы,
передвигаясь в полной темноте.
Ладони леденеют от неё.
Её касаясь, губы что-то шепчут,
о чём, о ком — ты должен это знать.
Но прикоснись к холодной этой влаге
без клятв и оправданий, ты один
на брошенной границе континентов,
на темнохвойной родине твоей.

* * *

Темнеет дерево на поле,
одно на холоде ночном.
Домой мне торопиться, что ли,
за убывающим теплом,
когда стоит там путник этот,
одетый в ветхую кору,
в непрочном оперенье веток
на пронизающем ветру.
Стоит, поднявшись над лесами,
над дымом сонных деревень,
ловя последними листьями
для всех уже прошедший день.
И в этих медных каплях света,
горящих тускло над землёй,
я вижу все богатства лета,
так и не прожитого мной.

* * *

Есть такие холмы, за которыми море.
Стоит вроде бы только взойти на вершицу —
и увижу летящую чайку, и вскоре
всё откроется, всё наконец разрешится.
Только там ведь река за бойницами елей,
сухопутная даль, облака над рукою.
Там всё так, как и здесь, может, лучше, вольнее,
но другого там нет, много дальше другое.
Отчего же нигде, лишь за теми холмами,
я предчувствую это, — в подвижном покое
бесконечное море колышет волнами,
и не море, наверное, что-то другое.

* * *

Густая тень немецкого квартала,
в кустах сирени чайные веранды,
и ты — ещё счастливая — читала
лирических поэтов варианты.
Любовь уже пришла, в прикосновеньях
тепла искала и ответной дрожи,
не находя в чужих стихотвореньях
таких, чтоб были на неё похожи.
Нет, может быть, у польского поэта
о паре нищих у двери церковной,
что утоляли нежно до рассвета
два голода: привычный и любовный.
Белели ночи, проливались ливни,
и первая машина утром рано
бесшумно уезжала в сложный, длинный
не путь, а вымысел деревьев и тумана.
Покачивалась лампочка в сиренях,
и тень твоя меняла очертанья —
то женщина с ребёнком на коленях,
то нищенка, что просит подаянья.

* * *

Они танцуют, пожилые люди,
в ботинках твёрдых, в стёганных плащах.
Они так много знают о простуде,
что лишь тепло им дорого в вещах.
Послевоенные, пришли в сороковые,
им трудно уходить по одному.
Узнать бы всех, увидеть, что живые,
жгут листья, постоять в сыром дыму.
Всё правильно, окончены томленья,
неладно всё, но всё-таки всё так:
нет, милый, не страданья и стремленья,
нет, милая, не жертва и очаг.
А только этот синий, светло-синий
летающий дым полупустых аллей —
расчерченных когда-то кем-то линий,
изломанных ветвями тополей.

* * *

Без тебя легко, совсем легко.
Посетили замок — гобелены.
Столько лет прошло, не отлегло.
Холодно тут: каменные стены,
сотни лет не топлённый камин.
Сверху виден городок за Влтавой:
мельница одна, собор один,
много крыш и пышный лес заставой.
Вид чудесный! Пасмурный денёк,
отсыревший замок феодала...
Столько лет, что замо́к, что замо́к!
Столько лет душа не поднимала
тяжести. Опущены мосты,
люди входят, переносят старость.
Все вошли, осталась только ты.
Как и прежде, только ты осталась.

* * *

Дорога повернула в зимний лес,
бесстрашно повернула в тёмный
замёрзший лес, который смотрит вверх
и, кажется, тебя не замечает.
Но всё-таки потише ты иди.
Там, впереди, увидишь огоньки —
наш санаторий, и котельная дымит,
и старики уже идут на ужин,
поскрипывая палочками, там,
ты слышишь, песенка о Вологде звучит,
а после ужина кино покажут.
Иди по лесу — разве страшен он?
Иди по лесу, он уже не страшен.

Свадьба на Кипре

Принцесса Беренгария, король,
десяток рыцарей, и морды их коней
с глазами влажными, и высохшая соль
на складках древнегреческих камней.

Кубышка замка — грубо, второпях
уложенные глыбы, из земли
растущие на тёрнах и репьях.
А гобелены так не завезли.

Поход же — дело трудное. Стоят
колени преклонённо господа.
Недолгий завершается обряд.
Восточные притихли города.

Гордыни европейской яд и мёд.
Серьёзно мы, не правда ли, шалим!
Паломником король наш не войдёт
в не покорённый им Иерусалим.

Нам пить командарию не дано
под переплеск эгейских островов —
на севере тюремное окно
и перезвон серебряных оков.

Сухая арбалетная стрела
зазеленеет рощицей баллад.
Мы пили наше время из горла
и нашу плоть давали под заклад.

Под выжженной ветрами епанчой,
одним упрямством разве что и жив,
один из нас вернётся со свечой,
свои глаза для мира потушив.

* * *

Ты приезжий и жердь в чернозёме.
Ты остался, вцепившись пока
в ледовитый ночлег на соломе,
в малоросский побег языка.
Пани Ядвица звякнет крыницей,
огибая нелепицу луж.
Нарастает сюда — не укрыться
от её католических груш.
Пахнет дымом и чем-то здесь лишним —
запах едущего колеса.
Тяжелеют над месяцем пришлым
пограничные небеса.

* * *

Уехал от тебя и стал искать
тебя повсюду в городе чужом.
У ратуши могла бы ты сидеть,
в кофейне тёмно-красной, на скамейке
у жёлтого костёла, а скорее
всего, гуляла бы по берегу реки,
с моста б глядела на её течение,
потом на облака, и синий с белым
поплыли бы в глазах твоих, нисколько
не смешиваясь (ты же не мешаешь
простые краски). Только вот реки
нет в этом городе.

* * *

Старый дом, внутренний двор,
бельё на верёвках, кошки на лестницах.

Утром в мою дверь позвонили —
пожилой человек в дорогом костюме:

*Пробачьте, дозвоьте ввійти,
я жив тут двадцять п'ять років тому.*

И показал размытую фотографию:
семья, застолье.

Он прошёлся там, тут, одушевлённый встречей с прошлым:
паркет поменяли, поставили дверь на кухню,
а в остальном всё как было.

Живы ли соседи? — Не знаю.
— Вы купили эту квартиру? —
Нет, снял два дня назад —

временный жилец.

Он вышел отсюда двадцать пять лет назад
и пошёл в гору.
Я хожу по его предгорьям —
умолкшим квартирам, пожухлым дворам,
помышляя о своих горах.

Временные жильцы — и я, и он,
и даже та старуха, что спит на балконе.

Вечные только кошки,
поколение за поколением
хранящие верность
каменному квадрату, —

мелкие божества
временной жизни.

* * *

Когда скрипач-солист,
свою работу сделав,
берёт под мышку скрипку
и слушает оркестр,
покинь концертный зал —
смотри с водораздела,
как Буг на Балтику
и к Черноморью Днестр
ручьи собирают здесь,
под брызгами барокко,
в средмествах города,
у замковой горы,
где ясно понял ты,
что начал жить сверх срока
и заново входить
в обжитые дворы.

* * *

Господь! Прощальный тур,
законная печаль.
В тени архитектур
от прошлого отчалъ

в сплошную синеву
заправленных небес,
за серую канву
которых ты залез.

И в этой пене дней
однажды ты узришь
девчонку, а за ней —
лазорева тишь.

Как эта смерть сладка!
И бьётся между ног
её волна-строка —
смиряется поток.

Язычество? — О, нет! —
Солёный окоём,
вода, тепло, рассвет,
и никого с огнём.

* * *

Нужно как-то бороться с травой,
с разрастаньем её — с запустеньем, —
с подавляющей массой сырой,
но не с каждым отдельно растеньем.
Сам себя обманувший туман
всё плотнее становится, ниже.
Где же спички? Обхлопал карман
за карманом. Но дело не в них же.
Это холодно изнутри.
А вокруг бестолковое буйство:
мелочь рыбная, плеск, пузыри,
юность, нежность твоя — полюбуйся.
Носишь светлые камни с реки —
может, это кому-то сгодится:
доломиты, известняки
и кораллы чистейшего гипса.

* * *

Каменистый пляж, волны, волнорез,
звёздный холодок и скалы отвес —
чёрный, как пейзаж, человек у волн
ходит с бечевой, на бечёвке вол:
белые рога, грива, плечи, торс,
пена у копыт, водорослей ворс.
Справа море, где ходят сейнера.
Море по ночам — чёрная нора,
выбитая дверь, космос, пустота.
Только этот пляж — зыбкая черта
между тем и там, чёртом и зимой.
Человек и вол шли к себе домой.
Вол хотел понять, человек забыть,
что и почему нужно им избыть.
Соль и йод и тьма стёрли их тела.
И волна пришла, и волна ушла.

* * *

Как скорбно сознавать, что не герой.
Не расступалась жизнь перед моим напором,
не шла вослед взволнованно толпа,
то с ненавистью, то с ликованием, — не шла.
И ладно бы, да есть воспоминанья,
тревожат подростковые мечты
о странствиях, геракловых проливах,
морях и странах огненных земель.
Что с ними делать? Если их забыть,
то от меня останется не много.
Бежать, ещё не всё потеряно, ещё...

Но есть минуты, всё же есть минуты,
мною выхваченные, как угли из огня,
когда открыта дверь и я в неё иду.
И снова слышу, стоя на пороге,
несильный голос позади зовёт,
зовёт того, кого считают мной.

* * *

с фонарём в зубах вверх по стропилам
к самому куполу, в поту и в инее,
а помнишь: сушь солёная, портвейн по жилам
и глаза её, глаза у неё тёмно-синие, —

но не то, главное, они на тебя глядели,
как небо на всё, а они на тебя лишь, —
дуновение странствий великих, а на деле
ты стоишь в них свои удивлённые пялишь,

и не с места: камни выжженные на побережье,
столько лет ещё бы ходил вдоль стенки,
а теперь с фонарём вверх, где воздух реже
и в конце не будет одной ступеньки.

* * *

Живёт у реки хозяин.
Низкое топкое место.
Давно здесь живёт один он,
своё схоронив семейство.

Не он этот дом построил,
покойной жены родитель.
В доме просторном старом
он всего лишь хранитель.

Всё лето кого-то ловит.
В заросли лампой светит.
Ставит на зверя капканы.
Ставит на рыбу сети.

По рецептам из древней книги
есть у него настойка,
пчёлы в лугах и козы.
Только зачем ему столько?

Прохожих к себе зазывает.
Чай наливает некрепко,
с травами — для здоровья.
Но люди тут ходят редко.

Память ли об изобилье
он в стенах хранит потёртых?
Может, боится смерти?
А может, он это для мёртвых?

Вдруг как явятся гости,
все соберутся разом —
тесть, жена, её братья,
сын, не прошедший Кавказом.

«Всё преумножил, смотрите,
погребца полная мера!» —
с гордостью он им скажет.
Это ведь тоже вера.

В зените

Она ходила вдоль ручья,
зашла в густой бурьян —
не родственница, так, ничья
старуха из селян.

Она ждала, что мы придём
по этой вот тропе.

А мы, не думая о том,
шагая по траве,
шли наугад через холмы
и вышли к ней как раз,
не зная, кто такие мы,
но ждали точно нас.

Стоял какой-то летний день,
не помнивший числа,
и после были дни, но тень
с тех пор уже росла.

* * *

Осталась одна калина,
рябину птицы склевали.
Звёзды спрятались в щели
крыши на сеновале.

Осень пришла с ветрами.
Словно костёр, зелёным
заполошил можжевельник
на пересошем склоне.

Всё я собрал как будто,
всё уложил по строчкам.
Только не пригодится
всё это моим дочкам.

Сами свои пожитки
сложат в свои котомки
да и уйдут из дома
верхом по самой кромке.

У Белого моря

1

Вдоль топких берегов за уткую-дичком
в ночную глубину осоковой страны
гляжу, а наш корабль проходит напрямиком,
тревожа камыши набегам волны.
А что, остаться б здесь? — Перила обмахнул,
рукою ухватил прибрежную траву..
Но память подняла невыносимый гул:
«Ты снова за своё!» И дальше я плыву.

2

После мухи остаётся звук
в комнате. Дождаться б тишины.
Ветер раскачал деревья вдруг,
с северной подувши стороны.
Бродят звуки: стоны, скрипы, свист.
На глазах сменяется жара
холодом под музыку, под визг
собачонки с ближнего двора.
На море теперь уже штормит.
Остров наш отрезан от земли.
Люди, и деревья, и гранит
родственное что-то обрели.
Что же муха, изгнанная мной?
Скрылась ли в укрытие, как все,
или в бурном море над волной
крутится в смертельном колесе?

3

Мои ботинки на подошве твёрдой,
как щит и меч стоящие в углу,
намывами на коже перетёртой
соединили двух морей волну.
Рубцами вас пометила дорога,
свивая след в тумане и в пыли.
От чёрного до белого порога,
чтоб повернуть обратно, вы дошли.
Но я б хотел поставить вам в заслугу
не то, что привели сюда меня,
а что переносили вы по лугу
пыльцу цветов, растений семена.
Случайные садовники, едва ли
природа бы управлялась без вас —
ведь ни шмелей, ни пчёл мы не встречали
в тех чащах, по каким носило нас.

4

«Знаю я молитву про цветочки.
Но, конечно, знаешь же и ты». —
«Расскажи, — я попросил у дочки, —
я молитв не знаю про цветы». —
«Самая короткая, наверное,
просто ты забыл её сейчас:
цветы Боже,
цветы крепкий,
цветы бессмертный,
помилуй нас».

* * *

Так и поют они по вечерам
на всю весну, невидимое племя.
Вокруг собравшись в молодой листве,
в сырой траве, уже набравшей силу,
за брызнувшей из веточек хвоей.
Где гнёзда их? Зачем их столько много?
Как, хором щебеча, они услышат
родные голоса? А как-то слышат.
Неглубоки их звуки — трели, свист,
но крохотным их лёгким помогают
пустоты скал, расщелины ручьёв,
колонны сосен на щебнистых склонах —
вся эта чаша древнего каньона
наполнена их пеньем и звучит.

Не торопитесь, дайте вас послушать.
Я, к сожалению, вас почти не знаю.
Вот коростель, вот иволга, должно быть.
Вот соловей, и правда — соловей.

Уральские сказки

I. Пермские боги

Бежала вверх тропинка в темноте.
Светился церкви деревянный купол.
Монах вошёл — была не заперта
Приземистая дверца.
Лампада задрожала на ветру,
Но не погасла.
Он вошёл и обмер.
Он видит: в храме голый человек
Сидит в дощатой клетке,
Ладонью узкой подпирает щёку,
А на руках, на лбу
Запёкшаяся кровь темнеет,
А на коленях у него лежат
Засохшие цветы и шишки.

«Ах, идол! — вымолвил монах, —
И это наша вера?!
Язычники зыряне из дерев
Своих богов, как прежде, вырезают
И в наши церкви тащат. Это Спас? —
С татарскими глазами, это Сын
Благого Бога и Пречистой Девы?!
Вот, Византия, где твой свет померк».

II. Зыряне

Над Камой около монастыря
Похоронили их — десятка два крестов
Белеет свежих, с каплями смолы.
Набег был, и они сражались.
За что сражались? Просто был набег,
Они оружие взяли и теперь лежат
В рубахах свежих с белыми крестами,
Смолой точащимися, на груди —
Их незадолго до набега окрестили.

III. Рассказ инок Пыскорского монастыря

Мне лет уж сто, наверное, я помню
Отчётливо, как Нил пришёл однажды
К нам в Ферапонтово из леса,
А Дионисий чудный только-только
Закончил фрески в храме Рождества
Пречистой Богородицы — ещё
Он не уехал, — все дивились, видя
Такую синеву, и свет, и лёгкость —
Святые, словно души, что текут
К Небесному Престолу. Как он так
Намалевал и быстро и роскошно!
Все радовались, значит, и вот тут
Явился Нил и тоже посмотрел.
Все ждали, что он скажет, Дионисий,
И тот стоял в сторонке, что-то тёр
В руках, но всё поглядывал на Нила.

И Нил, подумавши, сказал: «Красиво.
Но можно ль красоту такую зреть?
Не обольщенье ль это для души?
Не дар ли преждевременный всё это?
Он может нас изнежить, коль мы сами
Или хотя бы кто-нибудь из нас
Подобное создать способен, то к чему
В свои глубины мрачные глядеть,
Молитвой, скорбью, жгучими слезами
Стремиться к очищению, в надежде
Увидеть подлинную — выше — красоту?
Подумайте, мы многое теряем».

Он замолчал, и молча мы стояли.
Но тут игумен наш ему сказал:
«Тебе противоречить, Нил, не буду.
Что ж сделано — останется, ведь это
Приносит радость, и она чиста».

IV. Марьяна

Иван Колпак уплыл вниз по реке
С отрядом, а жена его Марьяна
Засела за шитьё, пообещав
К его приезду завершить покров.
Проходит лето, первый снег посыпал,
Покров святому Трифону готов:
Серебряные нити, золотые
И жемчуг матовый — богатое шитьё.
А мужа нет, и нет вестей о нём.
Сховался конюх, прихватив коня,
Утёк дворецкий, вычистив сундук
Хозяйский, сгинули крестьяне,
В разбойники подавшись. Тут зима,
Морозы, реку льдом сковало.
А мужа нет, и нет вестей о нём.
Служанка из зырян по дому ходит —
Одна она осталась — топит печь
Дощечками от детской колыбели
(Сынок Марьяны месяца не жил).
Сидит Марьяна, белыми пальцами
Покров перебирает. Золотая
Нить потянулась, вынулась. Марьяна
Глядела долго-долго на неё.
Потом обратно вдела.

V. Святой

Как это получилось, он не знает.
Развёл костёр на огороде, а огонь
Потом переметнулся, все дрова
Господские спалил — такое пламя!
Такой переполох! И всё из-за него.
Он, небольшой, стоит, переминаясь,
Весь в саже — он тушить пожар пытался,
И кто его привёл — все в саже,
И господин, хозяин тех земель,
Он тоже в саже, чёрный весь стоит
И грома мечет: «Кто ты, сукин сын?!» —
«Отшельник я, бродяга... Что ещё...
Из Устюга я родом, вот пришёл
Сюда, молился и постился... Что ещё...» —
«Ещё?! Постился он, молился, постник!
Зима вот-вот, а ты дрова спалил!
Что делать предлагаешь?» —
«Чем я могу помочь, молитвой разве.
Я думаю создать здесь монастырь,
Чтоб дикое, гнилое зло лесов
Ушло подальше от людских жилищ...»

Но господин его уже не слушал.
Там снова пламя вспыхнуло, и он
Туда направился поспешно, слуги,
Державшие отшельника, за ним
Хотели устремиться. А бродяга?
Что делать с ним? Они переглянулись
И чуть толкнули. Охнув, покатился
Он с берега крутого вниз к реке.

Но чудо совершилось — жив остался
И невредимый прочь ушёл отсюда.
Он после основал монастыри
В других краях, на западе. И здесь
О нём осталась память — где катился
По склону он, деревья не растут.

VI. Иранские клады

Степан Верста охотился на клады,
А думали, он идолов крушит
Из ненависти к капищам поганым.
Плывёт ладья, он на носу стоит,
Едва ль не с мачту ростом, приметит
Какого деревянного божка,
Велит причалить к берегу и спешно
К нему идёт, срывает блюдо,
У идола висяща на груди.
А блюдо золотое, с украшеньем.
На нём курчавых всадников дружины
В затейливых шеломах, посредине
Царь или князь с широкой бородой.
Над ним по праву руку — солнце,
По леву — месяц. У царя
В руке росток какого-то растенья,
Без листьев, но висят на нём три плода
Чуть вытянутые, вроде груши.
И царь растенье это сажит в землю.
Слуга его коня за гриву держит,
А на земле лежит какой-то бес,
С кошёлкою в когтях, с стрелою в пузе, —
Поверженный, а всё-таки живой.
А позади есть пальмовая роща,
И в ней танцует девок хоровод.
Спокойно всё и мирно в той стране,
Когда б не этот бес.

Степан Верста взял блюдо и монеты,
Развёл на берегу костёр и всё расплавил.
Теперь уж кто дознается, откуда
Он золото берёт.

VII. Князь

«Вот солевары, — размышляет князь, —
Купцы из Вологды, всё знают — где, кому,
Что нужно дать, как ублажить царя.
Царь подарил им земли, отписал
По грамоте вдоль Камы, Чусовой.
И княжество бы можно разместить
На этих вотчинах свободно.
Приехали и плечи распрямили
И с князем — с ним! — считаться не хотят.
Как их огреть, достать бы побольнее,
Чтоб место знали?» — Долго думал князь,
А после плюнул: «Что же за напасть,
Чем голову себя я забиваю.
Пусть соболем набьют себе подвалы,
Едят на золоте и на парче сидят,
Кровь римских императоров во мне,
Другое у меня на свете дело».

VIII. Поэт

Сказитель грек у нас в походе был,
Рассказывал он нам о тёплых странах,
О городах из камня белого, о море —
Тут он вздыхал, — о царствах прежних,
На наши срубы серые глядел,
Казалось, их не видя, всё тоскуя
О родине своей. Когда мы ели,
Из общего котла не ел он с нами.
Он доставал свою тарелку, ложку,
Накладывал себе и отходил.
И многие сердились на него,
И многие смеялись, атаман же
Велел его не обижать — в походе
Бывает очень тяжело без поэта.
Но обнаружился у грека грех турецкий,
Пожаловался самый молодой
Из наших атаману, тот схватил
И бросил грека в реку. Дальше
Поплыли молча мы вдоль хмурых берегов.

IX. Плотовщики

По звёздам путь держали мореходы,
А мы плывём по ёлкам и камням.
И каждая большая ель название
У нас имеет, каждый камень имя,
И каждый поворот реки мы знаем,
Где нужно зорко править или где
Сподручней вёсла бросить на ладью —
Сама пройдёт. Но кто-то мне сказал:
Наверное, с закрытыми глазами
От Каменок пройдёшь ты до Осянки.
Э, нет, река — она всегда другая.
Женой своей тебе не сделать реку.
Подругою её не назовёшь.
Она сама кого-то любит, а кого
Не терпит, и тому заняться лучше
Другими, сухопутными делами,
А то измучит, даже если делал
Всё правильно, ведь правил, в общем, нет.

Как объяснить, что нужно в нашем деле?
Ну, смелость — да, умение — конечно,
Но главное: когда ты на реке,
То позабудь, что ты плывёшь куда-то,
В такой-то город, по тому-то делу.
Нет цели в голове твоей! В руках
Есть цель: почувствуй каждый мускул
Реки, противоборствуй ей, пойми,
Насколько ты силен. В глазах
Есть цель: увидь её такую,
Чтоб только на тебя она глядела,

И берега, и скалы на тебя
Глядели, настороженно вначале,
А после с узнаванием отрешённым.
И тут уж сердца цель — так истоньшиться,
Чтоб дуновенье сквозь тебя прошло,
Как ветер сквозь трепещущие листья.

И доплывёт тогда твоя ладья
Не до Осянки, до самого моря.

Х. Метейка

Дурак Метейка на гору поднялся,
Кладбищенской наелся земляники,
Потом уселся между двух могил,
На плиты положил худые локти
И сверху стал смотреть на Городки.

По улицам несли поклажу люди.
В крапиве дети курицу гоняли.
Причаливали барки, отходили,
Плоты тянулись по речным изгибам,
В дремотной пропадая синеве.

И вдруг, как будто потянули скатерть
С накрытого для праздника стола, —
Посёлок в реку медленно пополз.
Сворачивались пыльные дороги,
Дома, сараи с берега катились
И быстро уходили в глубину.

Телеги, всадники и пешие с вещами
К реке тянулись в полной тишине.

Собор на берегу стал рассыпаться:
Развезло по ветру колокольню,
Со страшной силой сверху рухнул крест,
Воткнувшись в землю, — та его всосала
Так жадно, словно триста лет ждала.

И вскоре не осталось ничего.
Поросшие травой болотной кочки.
Да тополь, покалеченный грозой.

Метейка вниз бежал, крича от страха,
Сквозь заросли шиповника, бурьян,
Откуда только взявшийся, а склон
Всё не кончался.

Вдруг видит: женщина в одеждах белых
Ему рукой велит остановиться.
И губы плотно сомкнуты у ней,
Но голос её тонкий слышен ясно.

«Останься на горе своей, Метейка,
Не сможешь ты исправить ничего!» —

«Прости нас, Матушка!» — сказал в ответ Метейка
И дальше побежал.

Содержание

До снега	3
----------------	---

Осенний побег

«Построенные наспех бастионы...»	19
«Темнеет дерево на поле...»	20
«Есть такие холмы, за которыми море...»	21
«Густая тень немецкого квартала...»	22
«Они танцуют, пожилые люди...»	23
«Без тебя легко, совсем легко...»	24
«Дорога повернула в зимний лес...»	25
Свадьба на Кипре	26
«Ты приезжий и жердь в чернозёме...»	28
«Уехал от тебя и стал искать...»	29
«Старый дом, внутренний двор...»	30
«Когда скрипач-солист...»	32
«Господь! Прощальный тур...»	33
«Нужно как-то бороться с травой...»	34
«Каменистый пляж, волны, волнорез...»	35
«Как скорбно сознавать, что не герой...»	36
«с фонарём в зубах вверх по стропилам...»	37
«Живёт у реки хозяин...»	38
В зените	40
«Осталась одна калина...»	41
У Белого моря	42
«Так и поют они по вечерам...»	44

Уральские сказки

I. Пермские боги	47
II. Зыряне	48
III. Рассказ инока Пыскорского монастыря	49
IV. Марьяна	51
V. Святой	52
VI. Иранские клады	54
VII. Князь	56
VIII. Поэт	57
IX. Плотовщики	58
X. Метейка	60

Всеволод Константинов. Побег.

редактор:

О. Нечаева

художник:

С. Труханов

корректор, технический редактор:

О. Тузова

Творческое объединение «Алконость»

alkonost.mail@gmail.com

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

Подписано в печать 01.07.2013. Формат 60×90¹/₁₆

Тираж 500 экз.

